

ЭРНЕСТО ЛАКЛАУ

Невозможность общества*

В этих кратких наблюдениях я хотел бы затронуть несколько проблем, которые являются центральными для современной марксистской теории идеологии. Очевидно, что при обсуждении этих проблем мы сталкиваемся с теоретическим парадоксом. Данный парадокс можно сформулировать следующим образом: никогда ранее рефлексия об «идеологии» столь значительно не присутствовала в центре марксистских теоретических подходов; однако в то же самое время никогда ранее границы и референциальная идентичность «идеологического» не становились столь размытыми и проблематичными. Если интерес к идеологии возрастает параллельно с возрастанием исторической действенности, приписываемой тому, что традиционно считалось сферой «надстройки» — и это возрастание ее действенности служит ответом на кризис экономистской и редукционистской концепции марксизма, то сам этот кризис ставит под вопрос социальную тотальность, конституируемую вокруг различия базиса-надстройки. Как следствие, нельзя больше определять объект «идеологии» на языке топографии социального.

В рамках марксистской традиции мы можем выделить два классических подхода к проблеме идеологии. Эти подходы часто — но не всегда — смешиваются. При первом подходе «идеология» мыслится на уровне *социальной тотальности*; при втором она отождествляется с *ложным сознанием*. Оба сегодня подхода кажутся размытыми вследствие кризиса посылок, на которых они основывались: обоснованность первого зависела от концепции общества как постижимой тотальности, рассматриваемой в качестве структуры, на которой основываются ее отдельные элементы и процессы. Обоснованность второго подхода предполагала концепцию человеческого участия — субъекта, обладающего максимальной внутренней гомогенностью, не узнавание которой постулировалось в качестве источника «идеологии». В этом отношении оба подхода основывались на *эссенциалистской* концепции общества и социальной деятельности. Чтобы ясно осознать проблемы, заведшие теорию идеологии в ее нынешний тупик, нам следует рассмотреть кризис этой эссенциалистской концепции в обоих ее вариантах.

* Ernesto Laclau, 'The Impossibility of Society', *Canadian Journal of Political and Social Theory*, vol. 15, no. 1-2 & 3 (1991), pp. 24-27.

Обратимся сначала к кризису концепции социальной тотальности. Цель всех целостных подходов заключается в том, чтобы закрепить значение всякого элемента или социального процесса *вне* его самого, то есть в *системе отношений* с другими элементами. В этом отношении модель базиса-надстройки сыграла двусмысленную роль: хотя она заявляла об *относительном* характере тождественности базиса и надстройки, в то же самое время она наделяла эту относительную систему центром. Поэтому в совершенно гегельянской манере надстройка отомстила признанием «сущностной природы» явлений. Более того, структурная тотальность должна была представлять собой объект, обладающий собственной позитивностью, который можно было бы описать и определить. В этом смысле эта тотальность служила основополагающим принципом постижимости социального порядка. Статус этой тотальности был статусом сущности социального порядка, которая должна была *узнаваться* за эмпирическими колебаниями, проявляющимися на поверхности социальной жизни. (Отметим, что на кону здесь стоит не оппозиция структурализм/историцизм. Неважно, синхронической или диахронической является тотальность; важно, что в обоих случаях она служит *основополагающей тотальностью*, которая являет собой постижимый объект «познания» [*cognitio*], понимаемого как процесс узнавания). Вопреки этому эссенциалистскому представлению, ныне мы склонны признавать *бесконечность социального*, то есть то обстоятельство, что всякая социальная система ограничена, что ее всегда окружает «избыток значения», которым невозможно овладеть, и, следовательно, что «общество», как единый и постижимый объект, на котором основаны его частные процессы, невозможно. Рассмотрим два шага, связанных с таким узнаванием. Величайшее достижение структурализма заключается в признании относительного характера всякой социальной идентичности; пределом для него было преобразование этих отношений в систему, в опознаваемый и постижимый объект (то есть в сущность). Но если мы утверждаем относительный характер всякой идентичности и если в то же самое время мы отказываемся от *фиксации* этих идентичностей в системе, тогда социальное должно отождествляться с бесконечной игрой различий, то есть с тем, что в самом строгом смысле слова мы можем назвать *дискурсом* — при условии, разумеется, что мы освобождаем понятие дискурса от его ограниченного значения как речи и письма.

Этот первый шаг, таким образом, подразумевает невозможность фиксированного значения. Но это еще не все. Дискурс, в котором значение не может быть зафиксировано, суть не что иное, как дискурс психотика. Следовательно, второй шаг заключается в попытке осуществить эту, в конечном счете, невозможную фиксацию. Социальное — это не только бесконечная игра различий, но также попытка ограничить эту игру, приручить бесконечность, заключить ее в конечность порядка. Но этот порядок — или структура — больше не принимает форму основополагающей сущности социального; скорее это попытка — нетвердая и сомнительная по определению — охватить «социальное», *установить гегемонию* над ним. В известном смысле, имеется сходство между тем, что здесь делаем мы, и попыткой Соссюра ограничить принцип произвольности знака, утверждая относительный характер

данной произвольности. Соответственно, проблема социальной тотальности излагается в новой терминологии: «тотальность» не устанавливает границы «социального», превращая его в фиксированный объект (то есть «общество»). Скорее социальное всегда выходит за рамки попыток конституировать общество. Однако в то же самое время эта «тотальность» никуда не исчезает: хотя попытка соединения их, в конечном счете, невозможна, тем не менее, переход к относительной фиксации социального посредством установления узловых точек возможен. Но если дело обстоит таким образом, вопросы касательно узловых точек и их относительного значения не могут определяться *sub species aeternitatis*. Каждая общественная формация обладает своими собственными формами детерминации и относительной автономией, которые всегда устанавливаются в ходе сложного процесса сверхдетерминации и потому не могут учреждаться *a priori*. При таком понимании различию базиса-надстройки, а вместе с ним и концепции идеологии как необходимого уровня каждой общественной формации приходит конец.

Если теперь мы перейдем к рассмотрению второго подхода к идеологии (идеология как ложное сознание), то мы столкнемся со схожей ситуацией. Понятие ложного сознания имеет смысл только в том случае, если можно зафиксировать идентичность социального агента. Только основываясь на знании о его истинной идентичности мы можем утверждать, что сознание субъекта «ложно». И это, конечно, предполагает, что идентичность должна быть *позитивной и непротиворечивой*. В рамках марксизма представление о такого рода субъективности основывается на понятии «объективных классовых интересов». Я не собираюсь здесь подробно обсуждать формы построения, следствия и пределы такой концепции субъективности. Я, пожалуй, просто сошлюсь на два процесса, приведших к постепенному отказу от нее. Во-первых, разрыв между «действительным сознанием» и «приписанным сознанием» становился все более глубоким. Способ, которым заполнялся этот разрыв — благодаря наличию Партии, игравшей роль носителя объективных исторических интересов класса, — вел к возникновению «просвещенного» деспотизма интеллектуалов и бюрократов, которые выступали от имени масс, объясняли им их истинные интересы и навязывали все более и более тоталитарные формы контроля. Реакция на такое положение неизбежно принимала форму утверждения действительной идентичности социальных агентов, противостоящих «историческим интересам», которые им вменялись. Во-вторых, сама идентичность социальных агентов все более и более подвергалась сомнению, когда постоянное движение различий в развитых капиталистических обществах показало, что идентичность и гомогенность социальных агентов была иллюзией, что всякий социальный субъект, по существу, является децентрарованным, что его/ее идентичность — это всего лишь изменчивая артикуляция непрерывно изменяющихся положений. Тот же избыток значения, тот же сомнительный характер любой стуктуризации, которую мы находим в области социального порядка, также должен быть обнаружен в области субъективности. Но если всякий социальный агент — это децентрарованный субъект, если при попытке определить его/ее идентичность мы не находим ничего, кроме калейдоскопического движения различий, то в каком смысле мы можем говорить о том, что субъекты не узнают

себя? Теоретическое основание, которое придавало смысл концепции «ложного сознания», явно распалось.

Все выглядит так, как если бы две концептуальные структуры, прежде придававшие смысл концепции идеологии, рассыпались, а вслед за ними должна исчезнуть и сама концепция. Однако я не думаю, что такое решение было бы удовлетворительным. Мы ничего не можем сделать без концепции неузнавания именно потому, что само утверждение о том, что «идентичность и гомогенность социальных агентов является иллюзией», нельзя сформулировать без использования категории неузнавания. Критика «натурализации значения» и «эссенциализации социального» суть критика неузнавания их истинного характера. Без этой посылки всякая деконструкция была бы бессмысленной. Все выглядит так, как если бы могли сохранить концепцию идеологии и категорию неузнавания, только перевернув их традиционное содержание. Идеологическое заключалось бы не в неузнавании позитивной сущности, но в совершенно обратном: оно заключалось бы в непризнании сомнительного характера всякой позитивности, невозможности какого-либо окончательного сшивания (*suture*). Идеологическое заключалось бы в тех дискурсивных формах, посредством которых общество пытается учредить себя как таковое на основе замыкания, фиксации значения, непризнания бесконечной игры различий. Идеологическое было бы стремлением к «тотальности» всякого тотализующего дискурса. А поскольку социальное невозможно без определенной фиксации значения, без дискурса замыкания, идеологическое должно рассматриваться в качестве неотъемлемой составляющей социального. Социальное существует лишь как тщетная попытка установить собственный невозможный объект: общество. Утопия — это сущность всякой коммуникации и социальной практики.

Перевод с английского Артема Смирнова